

АНИМОВ

ЗИМА В ИМПЕРИИ

Часть 1

АННА БОРОНИНА

ИСКРЕННЕ
ВАШ

Анна Боронина
Искренне Ваш. Часть 1

«Литнет»

2025

Боронина А.

Искренне Ваш. Часть 1 / А. Боронина — «Литнет», 2025

ДИЛОГИЯ ЗАВЕРШЕНА Ольга Репнина — сирота, унаследовавшая редкий и опасный ментальный дар от отца. Она предвкушала учебу в стенах Петербургской академии магии, вот только ее даром чрезвычайно заинтересован сам император, на магов-менталистов в стенах академии происходят нападения, а начало учебного года совпало с вторжением французских войск в Российскую империю. Одногоруппники хоть и скрашивают тяжелые будни, тоже добавляют переживаний: один из них смотрит на нее с особой нежностью, второй - постоянно задирает. А помощник преподавателя кафедры и вовсе делает недвусмысленные предложения! Что есть в этой книге: студенческое братство и приключения; *# учеба в академии магии; государственные интриги и заговоры; *# мужчины-дуэлянты, мужчины-храбрецы и мужчины-красавцы; балы и чаепития во дворце; *# лето в Москве и зима в Петербурге Вторая часть тут:

© Боронина А., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Заветное письмо	6
Визуалы и матчасть	13
Глава 2. Вечер в усадьбе Ширковых	14
Визуалы. Усадьба Воронцово	20
Визуалы. Танцы в усадьбе Ширковых. Портрет Владислава	21
Глава 3. Из Москвы в Петербург	22
Глава 4. Флирт и загадки	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Пролог

Над дворцом Тюильри едва занялся рассвет, и ночной мрак, хоть и выцвел, но оставался густым и плотным.

В кабинете на первом этаже тепло светились два высоких окна. Там еще не прогорели свечи в тяжелом канделябре. Воск капал на небрежно раскиданные бумаги, но двое, склонившиеся над картами, расстеленными на массивном столе, этого не замечали, слишком занятые спором.

— Через пять лет я буду владыкой всего мира, — ровно и мрачно проговорил коренастый, сурового вида мужчина в темно-синем простом мундире полковника, словно подводил итог сказанному ранее.

Черные, глубоко посаженные глаза сверкнули решимостью, а может быть это отразились огни свечей. Собеседник его кивнул с некой осторожностью и продолжил разглядывать карту.

— Теперь, когда вы заручились поддержкой Австрии, — согласился он, ведя пальцем вдоль границы и оставляя крошечные искры, отмечающие дальнейшее расположение войск. — это безусловно.

— Но все же ты считаешь, что стоит повременить, — заметил мужчина, опускаясь в позолоченное деревянное кресло и нетерпеливо барабанил пальцами по столу. — Отложить кампанию до осени.

— До конца августа, — мягко поправил его советник и один из самых выдающихся магов-менталистов. — И все-таки я бы советовал попробовать уладить вопрос мирно. Если его императорское величество Александр...

— Мы уже пытались сделать все мирно. Но так и не дождались ужесточения континентальной блокады. Они прекрасно торгуют артефактами с англичанами. Донесения приходят постоянно.

— Что ж... Если вы все решили, сегодня же распоряжусь, чтобы артефакторы и порталщики начали приготовления. Ваш человек предоставил все сведения. Мы сэкономим силы армии, и вторжение будет внезапным, если перебросим хотя бы пехоту порталами. Конница может выступить заранее, но скрытно и ждать на границе. Наступление свершится позже на пару месяцев, но зато сразу вглубь России. Не слишком далеко, разумеется. Так, чтобы мы не потеряли возможность снабжать наши войска.

— Получится ли дойти до Петербурга? — задумчиво спросил Император, глядя на разгорающийся нежно-розовым рассвет.

— Боюсь, что нет. Маги у них сильны. Нашим порталщикам просто не удастся удержать стабильные проходы.

— Что ж, пусть торжество будет уделом более терпеливого. Но раз уж задерживаете начало, то потрудитесь, чтобы все, — мужчина постучал пальцем по карте, и на бумаге расплзлись темные пятна, а по комнате поплыл тонкий запах гари. — вы, слышите, *все* наши войска были на Смоленской дороге до наступления осени! Раз Петербург нам не доступен, я хочу войти в Москву уже в сентябре. Потрудитесь, чтобы маги были готовы! Начните немедленно. Отчитываться будете лично мне.

Маг хоть и посмотрел мрачно, но коротко поклонился:

— Слушаюсь, Ваше императорское величество.

Глава 1. Заветное письмо

2 августа 1812г. Петербург

Ольга, друг мой,

Ваше молчание меня начало тревожить, дорогая моя, добрая Ольга, и ваше письмо было нельзя более кстати. Совсем скоро свидимся уже с Вами. Дела вынудили меня задержаться в Петербурге. Но теперь я совершенно свободен до начала учебы в Академии и с нетерпением ожидаю прибытия домой. Приеду к именинам. Вы, Ольга, разумеется приглашены на празднование, матушка и отец, кажется, затевают что-то грандиозное. Но приходите, по-простому, по-соседски.

Очень жду нашей встречи и объятий. Мысли о том, что скоро я увижу Вашу улыбку на самом деле, а не в мечтах, окрыляют меня. Наверное неприлично такое писать, но простите мне мою пылкость, mon amie.

Примите уверения в моей преданности и непременно передавайте поклон бабушке.

*Искренне Ваш,
Матвей Ш.*

*
*

6 августа 1812г. Воронцово

Ниночка, chérie,

Спасибо тебе за прошлое твое письмо. Шлю тебе самый теплый привет от меня и от бабушки. Она в добром здравии, руководит обновлением защитных заклинаний в усадьбе и первыми заготовками. Пришлем и тебе варенья яблочного. Антоновки в этом году много ожидается. Или тебе более по вкусу вишневое?

Как твои дела? Наверное готовишься к учебному году. Неловко тебя беспокоить, но нет ли вестей о моем зачислении? Переживаю, что не успею устроиться в Петербурге, коли меня примут в этот год.

*Шлю тебе самый теплый привет и обнимаю,
Оленька Р.

*

Безмятежный августовский полдень ленивой негой накрывал усадьбу Воронцово. Солнце еще стояло высоко, и жаркое марево разливалось под выцветшим от дымки небом, но ветер все чаще приносил влажную прохладу идущих где-то дождей. Пруды и река Раменка перестали цвести, вода стала темнее и свежее. Пахло сухим сеном, которое собирали в снопы в полях за городом и первыми коричневыми яблоками — кислыми на вкус, но приятными в пирогах, которые стряпали на кухне к вечернему чаю.

Ольга лениво зажмурилась и откинулась назад, опираясь на руки, подставляя лицо солнцу и болтая в прохладной воде ногами.

— Барышня, вы бы хоть шляпку надели! — посетовала Авдотья, которая пришла из усадьбы и принесла холодный компот в графине с серебряной крышечкой, чтобы вездесущие осы в него не попадали. — Совсем черная сделаетесь!

— Икупаюсь и надену, — пообещала Ольга, оборачиваясь через плечо и улыбаясь покачивавшей головой Авдотье. — Спасибо за компот.

— Из стакана пейте! А то знаю я вас! — нарочито сурово нахмурилась Авдотья. — А то так привыкнете и оскандалитесь в этих ваших академиях.

— Не оскандаюсь, что ты, — улыбнулась Ольга и, чтобы избежать дальнейших нравучений, ловко соскользнула с разогретого мостка в прохладную воду.

Авдотья покачала головой, но больше ничего не сказала и пошла обратно в усадьбу.

Ольга же сделала несколько неторопливых гребков. Хотелось лечь на спину и покачиваться на воде, глядя в небо. Но тогда бы намочили волосы, пришлось бы сушить магией, что превращало ее непокорные кудри в пушистое облако, а она была приглашена на обед по случаю именин к соседям. Матвею, сыну и единственному наследнику графа Ширкова исполнялось двадцать.

Они были дружны с самого детства, как только могут быть дружны хорошие соседи. И вели оживленную переписку, пока Ольга училась в пансионе, а Матвей проходил службу. С его возвращения они еще не успели увидеться, и Ольга поймала себя на легком волнении и оживлении. Она фыркнула, потому что Матвей был другом и они знали друг о друге так много всего, что волноваться уж точно не стоило.

Чтобы прогнать глупые мысли, она энергично переплыла пруд туда-обратно, и вылезла на мостки. Нижняя сорочка, в которой считалось приличным купаться, прилипла к телу, и хотя на солнце было не холодно, Ольга торопливо сложила пальцы в особый жест, шепнула простенький заговор. Сорочка колыхнулась и высохла в одно мгновение.

Если бы все получалось так легко, как бытовые заклинания!

Ольга накинула на плечи шаль и маленькими глотками неторопливо пила компот, размышляя, что очень повезет, коль с нестабильным ментальным даром ее примут в Петербургскую придворную академию магии. Учиться там было честью, подтверждением статуса, развитые способности помогали занять определенное место в обществе, но выставлять их напоказ считалось моветоном. И хотя статус Ольги в обществе был и так высок, бабушка поддержала ее желание учиться.

Умеренность и контроль для мага были превыше всего. А где, как не в столичной академии лучше оттачивать свой дар девушке из хорошей семьи?

Простая бытовая магия Ольге удавалась. Об особых магических способностях, которые передавались по наследству, она предпочитала пока не думать. Несмотря на блокировку магии до момента начала обучения, они все равно проявлялись у нее только зимой, что говорило о сильном даре и было необычно, но с магией и не такое случалось.

Главное, что склонность к ментальной магии рассмотрели на вступительном экзамене. Было волнительно, что совсем ничего не получится. Стоял жаркий июнь, когда она в сопровождении бабушки приехала на вступительные испытания в Петербург. Но, когда она дотронулась до специального артефакта — шара, позволяющего осознанно погружаться в состояние похожее на сон, Ольга сразу же оказалась на небольшой, залитой солнцем поляне.

И месье Сламберу — заведующему кафедрой сноходцев — это понравилось. Из всех, кто был в комиссии, он и давно знакомая Ольге княжна Нинель, которая занимала пост завуча, смотрели с одобрением. Остальные хмурились, но на все переживания Ольги бабушка сказала, что это из-за того, что ее отец, которого Ольга почти не помнила, был очень сильным ментальным магом, а она унаследовала его дар. А сильных всегда тяжело учить. Потому Ольга и ждала с замиранием сердца ответа из Академии. Если бы ее не приняли, то редкий, родовой дар так и остался бы запечатанным, и все, что она могла бы без обучения — передать его своим наследникам.

Матвей писал, что его приняли с легкостью, что Ольгу не удивило — он был сильным магом-боевиком, и уже получил должность поручика. Огненная магия слушалась его без осе-

чек, а светлый родовой дар ментальщика-сноходца гарантировал ему место в группе месье Сламбера, если бы он захотел его развивать. И несмотря на радость за друга, Ольга все равно ловила себя на легкой зависти. К тому же была уверена, что несмотря на чрезмерно нежный и лиричный тон его писем, при встрече Матвей не упустит возможности над ней подтрунивать. В особенности над тем, что она еще не зачислена, когда его уже записали аж в две группы — стихийников-огневигов и ментальщиков.

Ольга огляделась по сторонам и, убедившись, что совсем одна, отпила прохладный компот прямо из кувшина. Приятная кислинка зеленоватых падалиц и смородины осела на языке, и Ольга позволила себе посидеть еще немного, наслаждаясь солнечным теплом и безмятежностью.

Когда спустя четверть часа она заходила в распахнутые в сад французские двери обеденной залы, к ней бросилась ее горничная — Марфа:

— Барышня, барышня! — она выглядела взволнованной. — Ее Светлость искали вас! Новости из столицы!

Ольга на мгновение замерла, в груди стало тяжело от волнения:

— Где бабушка?

— В библиотеке изволят разбирать корреспонденцию, — ответила Марфа, выглядела она тоже взволнованной. — Никак вас в академию взяли, барышня? Вы теперь уедете, да?

— Пока рано об этом говорить, — Ольга торопливо пригладила растрепанные после прогулки волосы, — но, коли так, со мной поедешь.

— Ох, барышня. Спасибо, барышня.

Ольга улыбнулась взволнованно и торопливым шагом направилась в библиотеку.

Просторная комната с двумя большими окнами, изначально использовавшаяся только в качестве библиотеки, была оборудована бабушкой под кабинет. Помимо массивных шкафов из светлого бука с книгами сюда поставили стол и тахту поближе к камину. Бабушка частенько полулежала, разбирая письма и сочиняя ответы обширному кругу тех, с кем состояла в переписке.

— А, ma chérie, — проговорила бабушка, стоило Ольге приоткрыть дверь и заглянуть. — Поди сюда, садись. Купалась?

— Да, méme, погода чудная.

— Посмотрите-ка какая светская дама, — весело сказала бабушка, перебирая внушительную стопку писем, разложенных на маленьком столике рядом с тахтой. — Как в лучших гостиных Петербурга оказалась. Садись, егоза. Не буду тебя томить, взяли тебя в Академию. На, читай.

Бабушка протянула ей письмо в большом конверте из плотной матовой бумаги. Ольга с волнением подошла, пальцы дрогнули, когда она доставала письмо, и строчки расплывались перед глазами, но она сумела разобрать, что действительно зачислена, что ее ожидают на занятия к первому дню сентября, и что необходимо получить заранее форму и учебники, и что так же она приглашена на бал по случаю начала учебного года, который пройдет в главной зале академии.

— Ох, бабушка! — выдохнула она с волнением и бросилась бабушку обнимать.

Та прижала ее к себе в нежном объятии и погладила по растрепавшимся после прогулки и купания волосам:

— Ну полно-полно. Поздравляю тебя. Теперь можно не волноваться за твой дар. Я похлопочу, чтобы с тобой месье Сламбер дополнительно позанимался с тобой, раз уж ты попадешь к нему на курс, — деловитым тоном, но мягко улыбаясь сказала бабушка, когда Ольга отстранилась и села рядом.

— Даже не верится, — счастливо вздыхая проговорила Ольга, разглядывая заветное письмо. — А я только давеча написала Нинель, чтобы узнать, нет ли вестей, и тут – вот.

— Нетерпеливая, — с доброй усмешкой пожурела бабушка. — Чтобы тебя и не взяли!

— Дар у меня... непростой, — нерешительно проговорила Ольга, вспоминая поляну, которая существовала только в ее мыслях.

— И еще не раскрылся, потому что запечатан, — заметила бабушка неожиданно строго. — Я тебе говорила об этом. Да в голову пока не бери, Месье Сламбер все скажет. Поздравляю тебя, касаточка моя.

И они заново обнялись.

— А ты что же, бабушка, со мной в Петербург поедешь? — спросила Ольга, неожиданно поняв, как сильно все поменяется, когда настанет учебный год.

Уже не погуляешь просто так по усадьбе, не посидишь в тени липовой рощи, да и сама усадьба будет далеко. Ей теперь надо в столицу ехать.

Бабушка покачала головой, задумавшись:

— Нет, пожалуй. Ты барышня уже взрослая, на выданье. Кроме того институтка и маг. Спрос с тебя другой. Нет у меня желания вновь представлять перед двором, а придется, коли в столицу приеду. Так что, как взрослая поедешь сама. Комнаты я тебе сниму поближе к академии. Марфа с тобой поедет, чтобы соблюсти приличия, когда тебе надо будет в свет выходить. Пора тебе, ласточка, и самой полетать. Что скажешь?

Ольга кивнула, радостное предвкушение теснило грудь и предстоящие хлопоты не пугали, а будоражили. Она поедет в столицу!

Бабушка при дворе показываться не любила, хотя Ольга знала, что ее Светлость Прасковью Васильевну жаловал сам император. Она была из древнего рода столбовых дворян, владела редким даром порталъщицы и была на особом счету. Отцу Ольги, которого она почти не помнила, дар не передался, перешел от деда – ментальный, да еще и темный. Такие маги были на особом счету. И отца Ольги, насколько она знала из рассказов бабушки, император тоже жаловал. Вплоть до гибели отца в одном из сражений русско-турецкой войны.

А у матери Ольги, которой она тоже не знала, та умерла родами, дар был слабый. Бабушка, которая взяла Ольгу на воспитание с самого детства только раз оговорила в сердцах, что лучше бы порталъщицей ей быть, пусть и слабой, чем менталистом.

Несмотря на печати, сдерживающие родовой дар до начала обучения, у Ольги зимой сбывались пожелания. Когда бабушка только отдала ее в пансион для девочек, Ольга рассердилась на назло толкнувшую ее девочку, и девочка, которая стояла шагах в пяти, внезапно оступилась и упала с лестницы, сломав руку.

Ольга вовсе не желала ей подобного зла, просто была очень обижена и даже призналась, что хотела, чтобы та поняла, как ей было неприятно. Все бы списали на случайность, но вот только наставница из пансиона нашла остаточный след нехорошего, темного заклинания. И никто не поверил, что никакого заклинания Ольга не накладывала. И серьезного наказания тогда удалось избежать только из-за вмешательства бабушки и магов-менталистов, которых прислал сам государь проверить печати. Они были на месте, а посему выходило, что Ольга не виновна. А бабушка в свою очередь клятвенно пообещала директору, ее давнему знакомому, убрать из библиотеки “слишком взрослые книги” и никоим образом не позволять Ольге изучать и развивать ее родовой дар до его распечатывания, в случае поступления в академию.

Ольга тогда была скорее напугана, чем раскисалась. Она сама ни за что не толкнула бы девочку, но получилось, что ее магия, даже запечатанная, сама за нее отомстила, и это пугало. Тогда она даже не слишком расстроилась, что в качестве наказания ее не отпустили на каникулы домой, она пропустила и прием во дворце, и бал у Йогеля, и катание с ледяных горок, и еще кучу всего.

А потом долгое время следила и даже в мыслях не допускала ничего подобного. Однажды Ольга в сердцах выкрикнула что-то злое суровой бабушке, которая не пустила ее с деревенскими ребятами на речку, и ужасно боялась, что случится нехорошее. Но ничего не произошло. Бабушке она, конечно, рассказала все уже потом, когда ссора поутихла. И бабушка выяснила, что несмотря на печати, подобные порывы у Ольги сбываются и несут магическую силу только зимой.

“Да ты у меня настоящая снежная королева!” — посмеялась она тогда, но Ольга заметила, что улыбка не достигла глаз бабушки. Смотрела она серьезно, строго и с тревогой. И книги по ментальной магии, которые Ольга все равно украдкой читала, на следующий же день после разговора вовсе исчезли из домашней библиотеки.

Бабушка в целом придерживалась с одной стороны весьма строгих взглядов в воспитании внучки, в которой души не чаяла, с другой, — широких. Например, Ольга училась в школе-пансионе для девочек, потому что бабушка решила, что лучше она будет под присмотром многочисленных строгих *mesdames*, чем будет общаться лишь с гувернанткой да приглашенными учителями.

Так что учебу в академии Ольга предвкушала – хотелось, чтобы дар раскрылся и стал более стабильным и предсказуемым. А остаться одна в столице Ольга не боялась.

— Сын Ширковых, я слышала, тоже поступил, — сказала бабушка, похоже, ее мысли следовали в том же направлении, что у Ольги.

— Ой, нам же собираться пора! — воскликнула Ольга, невольно приглаживая влажные после купания волосы. — Мы же на именины приглашены. К трем часам. А уж два. А еще ехать!

Бабушка только улыбнулась:

— Портальщица я, или кто? — улыбнулась она. — Или ты думаешь, что раз уже университеты будешь покорять, я совсем дряхлая стала?

— Что ты, бабушка! — всплеснула руками Ольга.

— Ну так не суетись. Ступай, одевайся, — бабушка вернулась к письмам, и когда Ольга была уже в дверях спросила неожиданно:

— А что князь Ширков нравится тебе?

Ольга замерла, неожиданно смутившись, щеки вспыхнули, хотя вовсе она не думала о Матвее ничего такого. Они были добрыми друзьями, и он не забывал о ней, даже, когда проходил службу. Письма правда иногда писал такие двусмысленные, что впору было их сжигать, или хотя бы прятать, но Ольга была уверена, что он так шутит.

— Вовсе нет, — ответила Ольга со всем достоинством, но бабушка, конечно, разглядела и зарумянившиеся щеки, и то, как резко она остановилась.

— Что ж ты краснеешь тогда? — бабушка посмотрела на нее поверх тонкой оправы крошечных очков, казалось, что даже их овальные стеклышки насмешливо блеснули. — Он — хороший молодой человек, кроме того вы дружны.

— Бабушка! — умоляюще воскликнула Ольга, прижимая руки к груди. — Что же вы смеетесь надо мной!

— Вовсе нет, — совершенно невозмутимо пожала плечами бабушка. — Коль дар твой раскроется, лучше заранее подумать над тем, кто тебе будет люб. Да, ступай, ступай. Правда твоя, рано тебе пока о замужестве думать.

Не успела Ольга вздохнуть с облегчением, как бабушка хитро добавила:

— Вот после первого бала в академии — да. Ты присмотришься. Стоит изучить всех потенциальных женихов до того, как они начнут обивать порог моей гостиной, желая породниться.

На именины к Ширковым собирались по-простому, по-соседски. Ехать было всего-то с полчаса в коляске, но погода портилась, к тому же одевались все равно долго. Ольге то не

нравилась прическа, то платье она хотела было заменить. Надетое казалось слишком простым – покроя шемиз из легкой летящей по ветру кремовой кисеи, с круглым декольте и высокой талией, хоть и было по последней моде, да все же только нежно-голубой пояс и добавлял цвета. Но потом Ольга вспомнила не то насмешливый, не то и взаправду серьезный вопрос бабушки относительно Матвея, и решила остаться, как есть.

Платье хоть и казалось прострым, но зато пошито было с помощью магии из красивой ткани, заказной из Парижа. Оно и сидело прекрасно, и нежным цветом оттеняло тронутую загаром кожу. Бабушка не была сторонницей болезненной бледности, да и Ольга предпочитала проводить время на свежем воздухе, а не просиживать в комнатах за пальцами, как многие барышни на выданье ее лет.

Прическа с волосами убранными гладко у лица и завитыми локонами на затылке очень Ольге шла, и она сама осталась чрезвычайно довольна собой. А новенькие башмачки из тонкого сафьяна обещали быть удобными и для прогулки, и для танцев, которые хоть и не были заявлены отдельно, но всегда ожидались молодежью.

— А вот и ты, наконец, — нарочито ворчливо сказала бабушка, оглядывая Ольгу с головы до ног. — Шаль захвати, будет гроза и посвежеет наверное. Рановато для настоек против инфлюэнцы. Лучше я ее тебе с собой в академию дам. В Петербурге всегда ужасно сыро. Марфа, принеси шаль Оленьке. Да быстрее же. Я портал рассчитала уже, к тому же неудобно опаздывать.

На усадьбе Ширковых стояла защита. Каждое уважающее себя семейство подобную имело. Ходить в гости без предупреждения было моветоном, заявиться же порталом — считалось крайней грубостью и неуважением. За такое и вызов можно было получить. Да и хозяева были бы в своем праве наказать нарушителя, как им вздумается.

Разумеется это был не их случай, Ольгу с Прасковьей Васильевной ожидали, но пренебрегать приличиями они бы не стали.

Наконец, шаль заняла свое место на плечах Ольги, подарок для именинника, завернутый бумагу и перевязанный лентой тоже не был забыт, а Прасковья Васильевна подхватила корзину с гостинцами для матери Матвея.

Отправлялись с порога усадьбы: любые двери помогают порталыщикам настроиться. Проще всего совершить переход там, где он и так как бы есть. Ольга не слишком хорошо понимала, как именно это работает. Но знала, что обо всем узнает в академии. А еще, что любое проявление магии в первую очередь — усилие ума. Сначала мысль и уверенность, что все получится, потом заклинания.

С ее даром правда все было не так просто. Зимой сбывалось даже казавшееся невероятным, как будет вести себя дар в остальное время пока не представлялось возможным.

Бабушка же просто привлекла к себе Ольгу, приобнимая за плечи, и подтолкнула вперед, делая с ней одновременный шаг через порог их усадьбы. Ольга привычно зажмурилась, под веками на мгновение потемнело, словно туча набежала на солнце. А потом снова стало светло.

— Прасковья Васильевна! — раздался приятный женский голос, и Ольга поспешно открыла глаза, приседая в реверансе.

— Оленька, дорогая, право слово, что за условности! — графиня Ширкова, мать Матвея, сердечно ее обняла и поцеловала, обдавая запахом розовой воды. — Мы тут по-простому, по-соседски. Прасковья Васильевна, как чудесно, что вы приняли приглашение.

— Гостинцы вам к столу. Варенья – крыжовенное и яблочное, — бабушка протянула корзинку.

— Ах, как чудесно! А у нас совсем крыжовник не уродился, — всплеснула руками графиня Ширкова. — Глашка! Гла-ашка, отнеси на кухню и прикажи подать после, к чаю.

Пока бабушка и графиня раскланивались, Ольга осмотрелась. Усадьбу Ширковых она знала хорошо, они частенько были приглашены и к чаю, и на обеды, и вот на такие вечера,

поэтому изящно меблированная гостиная, в которой собирались гости, ее не интересовала, она искала глазами виновника торжества.

Неожиданно теплые ладони накрыли ее глаза, нарушая все мыслимые правила приличий, но Ольга только улыбнулась, порывисто поворачиваясь:

— Матвей!

Это действительно был он. Последний раз они виделись зимой, Матвей приезжал на равноденствие, и Ольга запомнила его замерзшим с дороги и немного нескладным. Им толком не удалось пообщаться, потому что Ольга сдавала экзамены в пансионе, и сама приехала к бабушке всего на пару дней. Теперь же Матвей словно бы возмужал, перестал быть угловатым и нескладным юношей. Перед ней стоял уверенный в себе молодой мужчина. Впрочем, улыбался он все так же задорно:

— Оля! Душа моя, счастлив тебя видеть, — он поклонился легко и, подхватил ее дрогнувшие пальцы, оставив быстрый поцелуй на тонкой перчатке. — Прасковья Васильевна, доброго дня вам!

— Матвеюшка, — бабушка улыбнулась, даже и не подумав пожурить его за фамильярное обращение к внучке, и позволила поцеловать себе ручку, а после со смехом расцеловала Матвея в щеки. — Посмотрите-ка какой франт столичный! Хорош, ну хорош!

Матвей улыбнулся легко, ничуть не смущаясь:

— Страюсь, Прасковья Васильевна. Надо же соответствовать, — тут он бросил быстрый взгляд на Ольгу. — Я же теперь студент Академии.

— Слышала-слышала, — закивала бабушка, проследив за его взглядом. — Ну поздравляю-поздравляю!

— Прасковья Васильевна, проходите в зал, там есть напитки, а скоро и к столу будем звать, — проговорила графиня Ширкова. — Почти все собрались. Не скучайте! Матвей, помоги мне встретить гостей, пока твой рёре занят. Опять все разговоры о возможной войне!

Матвей послал извиняющийся взгляд Ольге и прежде, чем отправиться за матерью, шепнул:

— Ваше место за столом подле меня.

И Ольга, сама не понимая отчего вспыхнула и смутилась. Так словно он предложил ей быть хозяйкой дома и сидеть по правую руку.

Визуалы и матчасть

Те, кто читал мою "Бусину из муранского стекла" знают, что я люблю делиться тем, что легло в основу глав и немного рассказывать про "внутреннюю кухню" истории. Тут тоже планирую так делать, так что пишите, интересно ли Вам такое.

Для начала покажу Ольгу Репнину. Портрет, который я рисовала сама и генерацию. Какой Вам больше нравится?

Глава 2. Вечер в усадьбе Ширковых

22 августа 1812, Петербург

Княгиня Прасковья Васильевна,

Страшны те времена, когда женщинам приходится воевать, но последние донесения таковы, что друзьям Отечества надобно держаться рядом.

Жду Вас к первым числам сентября. С пониманием отношусь к Вашей нелюбви дворцовых церемоний, посему отдайте распоряжения о квартире г-ну Н. и не заботьтесь о расходах. Но желаю Вас видеть ежедневно.

Поздравляю княжну с поступлением. Елизавета Алексеевна изволят с нею познакомиться.

*Пребываю Вам благосклонный,
А.*

К вечеру в доме Ширковых стало особенно шумно и весело. Так, как бывает в московских домах и усадьбах, когда съезжаются все соседи, все вполне друг другом довольны и мало обращают внимания на титулы и звания. Гости из столицы, впрочем, тоже были, из тех, кто смог воспользоваться порталами. К тому же засвидетельствовать почтение и поздравить приехал рыжий и кудрявый друг Матвея – Василь, сын графа Аракчеева.

— Как ты, душа моя? – улыбнулся Матвей, когда всех пригласили к позднему обеду, и Ольга действительно оказалась от него по правую руку, слева сидел Василь, который был слишком увлечен разговором с юной княжной Голицыной, а потому все внимание можно было сосредоточить на друге детства.

Матвей, впрочем, все равно говорил, чуть склоняя к ней голову и понижая голос, чтобы его слышала только Ольга:

— Слышал от знакомых, что Йогель тебя необычайно хвалит. И кто бы мог подумать, что маленькая дикарка, кидавшая в меня подгнившие сливы, способна быть светской дамой и блистать на балах, м?

Ольга поморщилась бы досадливо, а может быть, и получил бы друг детства пинок, вовсе не приличествующий барышне, но она поймала взгляд молодого мужчины, сидевшего напротив и ведущего беседу с соседней с ним дамой.

— А ты, я смотрю, вовсе не изменился, — ответила она светским тоном, вежливо улыбаясь. — Можешь вести себя прилично, только если предварительно кинуть в тебя сливой. Мне бы стоило вызвать тебя на дуэль, *mon ami*, но, увы, женщинам не пристало стреляться. Но не переживай, еще пара насмешек, и на первой же тренировке по боевой магии я отомщу.

— О, боюсь-боюсь, — начал было Матвей насмешливо, а потом до него, похоже, дошел смысл ее слов, выражение лица сменилось на удивленное, а потом на радостное.

— Оля! Душа моя, да никак тебя взяли! Взяли же?!

Он так сиял и говорил так громко, что на них начали оборачиваться за столом, а Ольге стоило больших трудов не расплыться в слишком широкой ответной улыбке от его искренней радости.

— Тише ты, — прошептала она, понижая голос. — Что ты творишь?!

— Господа, у меня тост! — провозгласил вместо ответа Матвей, вскакивая на ноги, и Ольга едва не простонала, потому что с Матвея бы случилось объявить всем гостям, что она теперь институтка и, что он будет счастлив учиться с ней вместе.

Ей оставалось только сгорать от стыда с достоинством.

Бабушка, сидящая подле графини и графа Ширковых, смотрела на них с улыбкой и лишь приподняла брови, выражая вежливую заинтересованность.

— Именинники обычно тосты не говорят. Но хочу поблагодарить всех собравшихся! Приятно вернуться домой и знать, что тебя так сильно любят и ждут. Пусть даже скоро я опять покину отчий дом, чтобы учиться дальше и на благо Отечества употребить свои знания, надеюсь, и в будущем году наше славное общество соберется за этим столом!

Гости приняли шалость Матвея с энтузиазмом и весельем, все начали подниматься со своих мест, зазвенели бокалы, а Ольга выдохнула с облегчением. Когда все расселись обратно, Матвей поймал ее руку и слегка пожал:

— На будущий год, я надеюсь говорить совершенно другой тост, — и он посмотрел на нее таким многообещающим взглядом, что Ольга едва не вырвала руку.

— Насмешник, — прошептала она, поспешно отпивая лимонад. — А еще друг называется.

— Ну прости, Оль, так рад видеть тебя, — проговорил он примирительно. — Твои письма скрашивали мои бесцветные будни. Ну, мир?

Он протянул ей под столом мизинчик так, как часто бывало в детстве. Ольга улыбнулась и зацепилась его пальцем за свой.

— Мир, — шепнула она и добавила строго. — Только потому, что ты присылал ответы на каждое мое письмо.

— У-у, суровая, — так же тихо ответил Матвей.

И только, когда его отвлекла разговором и поздравлениями одна из его тетушек, Ольга заметила, что молодой мужчина напротив, кажется, прислушивался к их разговору.

Ольга вежливо кивнула, давая понять, что заметила его внимание, и он тоже склонил голову в ответ, после чего невозмутимо вернулся к разговору с дамой рядом.

Небольшая вольность Матвея словно бы сделала разговоры непринужденнее: за столом беспрестанно шутили, и обед пролетел необычайно оживленно, без всякой чопорности. Мужчины говорили о Наполеоне и спорили о том, будет ли вторжение, женщины же хотели танцевать.

Хозяева позаботились и об этом, был приглашен оркестр, хотя Ольга думала, что аккомпанировать будут только на клавикордах. Таким образом вечер стал почти что балом, а гостей съехалось столько, что после того, как вышли из-за стола, Матвея она и не видела. Бабушка что-то обсуждала с гостями из Петербурга. Заскучавшая было Ольга подошла поближе, прислушиваясь.

— А, *ma chérie*, — бабушка поманила ее к себе и указала на молодого, очень элегантно одетого молодого человека, с которым вела беседу, и Ольга узнала своего *vis-à-vis* за обедом. — Познакомься, это Владислав Константинович. Он уже завершил учебу, но по распоряжению государя будет помогать месье Сламберу на кафедре сноходцев. Князь, моя внучка, Ольга.

Ольга присела в реверансе:

— Рада знакомству, князь.

— Взаимно, княжна, — Владислав вежливо улыбнулся и слегка сжал ее пальцы, прежде чем склониться к руке, из зала донеслась музыка. — Позвольте вас ангажировать на польский. Прасковья Васильевна, простите, что оставляю вас, наш разговор мы продолжим после.

— Конечно, — улыбнулась бабушка. — Веселитесь.

Ольга улыбнулась и подала Владиславу руку, позволяя увлечь себя в ряды танцующих, которые парами вливались в польский.

Танцевальный зал в усадьбе Ширковых сиял по-старинке свечами, окутанными магией. Осветительные артефакты были дороги и использовались разве что в столице. Чтобы не было душно от чада множества свечей, окна распахнули в сад. Дневная жара спала, безмятежное утро небо стремительно темнело от набегающих туч.

Ведомая Владиславом Ольга прошла мимо окна, и на мгновение ее обдало влажной, пахнущей далеким еще дождем прохладой. Кудри убранные от лица колыхнулись, пощекотав щеку. Она бросила взгляд наружу: яблоневые деревья раскачивались на ветру, и даже сквозь нарастающие звуки музыки было слышно, как падают поспевшие яблоки.

— Кажется будет гроза, — сказала она тихо, ощутив беспричинную тревогу, вглядываясь в тени деревьев, рожденные светом из зала.

После вступительных испытаний в академию ей часто снилась поляна в лесу, то солнечная, то мрачная и полная теней. Маги из приемной комиссии сказали, что подобное свойственно ментальным магам, что поляна, существующая только у нее в голове — место сосредоточения ее силы, и она будет учиться управлять этим пространством и тем самым будет развивать свой дар. И сможет отправляться туда даже не во сне, или прикасаясь к артефакту, а просто, когда захочет.

На мгновение Ольге показалось, что качающиеся яблони за окнами и деревья, окружающие ее поляну где-то в воображаемом мире, наложились друг на друга, слились и тревожно раскачивались, словно предупреждая о чем-то.

— Не бойтесь, — Владислав слегка сжал ее пальцы, возвращая в ярко-освещенный зал и словно обещая защиту и поддержку. — Зал полон магов, уж с грозой они точно справятся.

Ольга кивнула, прогоняя внезапную тревогу, вовсе не связанную с грозами, которых она не боялась.

— Как вы находите наши края? — спросила она, чтобы завязать беседу: во время неспешного полонеза молчание было бы моветоном.

— Очень уединенно, — ответил Владислав, вежливо улыбаясь. — После столицы московское общество действует умиротворяюще — никакой спешки, все очень по-простому.

— Надолго ли к нам? — Ольга кивнула Софье Голицыной, скользящей по паркету с Василием, прежде чем их пары разошлись в разные стороны, следуя фигурам танца.

— Если бы не поручение государя, то я бы задержался, ее светлость Прасковья Васильевна согласилась любезно меня принять в вашем доме. Но, увы, это всего на пару дней. Сегодня прибыл, послезавтра в путь.

— Надеюсь, несмотря на непродолжительность визита, вам у нас понравится, — ответила Ольга, думая, как бы расспросить аккуратно Владислава об академии и мсье Сламбере, чтобы не показаться навязчивой.

— Несомненно, — ответил Владислав, смотрел он при этом так внимательно, что Ольга едва ли не с досадой почувствовала, как стало жарко щекам.

Вряд ли ее неожиданное смущение можно было бы списать на танцы: полонез не требовал особых усилий, а в зале из-за прохлады, веющей из окон, было не так уж душно.

— Я тут никого не знаю, а на подобных вечерах надо танцевать. Вы позволите пригласить вас на вальс и на мазурку?

— Конечно, — легко согласилась Ольга, чувствуя, как заполошно бьется сердце: приглашение на три танца да еще и на последнюю мазурку было бы практически признанием, если бы их знакомство с Владиславом не началось только сегодня. — Буду очень рада.

Бальных книжечек на вечере не было, поэтому после полонеза Владислав просто отвел ее обратно в бабушке и поцеловав кончики пальцев сказал:

— Не забудьте про вальс.

— Как тебе Владислав Константинович? — проводив его статную, облаченную в темно-синий фрак фигуру, спросила бабушка тем особенным вроде бы насмешливым тоном, который означал обычно искреннюю заинтересованность.

— Очень интересный, — коротко ответила Ольга, обмахиваясь маленьким костяным веером, потому что бабушка, чтобы не просквозило, выбрала стулья как можно дальше от распахнутых окон.

— О чем таком вы беседовали, что ты успела разглядеть его интересность? — фыркнула бабушка под прикрытием своего веера, но к счастью от дальнейших распросов Ольгу спас Матвей, утянувший ее танцевать.

После Матвея она станцевала кадрили с Василем, тот крутил ее в поворотах так резво, что Ольга запыхалась и все никак не могла отдышаться.

— Прек'асная! Как же вы чудно танцуете! — с восхищением в голосе сказал он, слегка картавя, что звучало отчего-то очень мило, и весь он рыжий, насмешливый показался Ольге необычайно милым. — Мазуг'ку будемте танцевать вместе!

— О, Василь, простите, я уже приглашена, — ответила Ольга, сожалея об отказе, но в этот момент заиграли вальс, и к ней подошел Владислав.

— Вы позволите? — спросил он учтиво, и Василь кивнул, передавая ее руку новому партнеру.

Уже становясь в пару, Ольга услышала, как тот вполголоса, но достаточно громко и немного насмешливо сказал подошедшему Матвею:

— Сам бы увел у тебя даму, mon ami, — он усмехнулся и хлопнул того по плечу. — Да вот только, боюсь, соперник у нас такой, что тягаться будет тяжело.

Ольга вздохнула прерывисто, испытывая досаду, и твердо решив потребовать после извинений от Василя. Жаль, она не успела услышать ответа Матвея. Владислав уже уверенно повел ее вслед за летящими звуками вальса. И как же неловко, что он точно слышал сказанное!

Ольга подняла глаза на Владислава и поняла, что тот смотрит на нее ровно и спокойно, с легкой улыбкой. И кажется, далекие от тактичности слова друзей ничуть его не задели, а скорее позабавили. Его рука бережно и уверенно поддерживала и помогала лавировать между других пар:

— Иногда в московском обществе бывает слишком по-простому, — проговорил он, в голосе действительно не слышалось досады, только добрая усмешка, и Ольга с облегчением улыбнулась в ответ. — Но вы ведь едете в столицу? Прасковья Васильевна сказала, что вы поступили в académie.

— Да. И очень жду начала учебы, — с благодарностью ответила Ольга. — Вы ведь тоже там учились?

Разговор об академии так их увлек, что они кончили вальс прежде остальных, и Владислав остался подле Ольги, отвечая на ее многочисленные вопросы.

Как только они заговорили о магии, о предметах и профессорах, сдержанное выражение лица Владислава оживилось. Он охотно делился забавными анекдотами из своей студенческой жизни, рассказал, что стоит сделать в первую очередь по приезду в столицу, с кем из преподавателей проще договориться. Оказалось, что и княжну Нинель он тоже хорошо знал.

— О, княжна необычайно строга, — заметил с веселым блеском в глазах Владислав. — Мы начинали учиться вместе, но мне пришлось пропустить несколько лет из-за службы. И теперь она — грозная заведующая всей учебной частью. Очень суровая Mademoiselle. Ходили слухи, что на последнем курсе княжна Нинель вызвала на дуэль своего профессора, который заявил, что женщина не может иметь отлично по его предмету.

— Вы не должны говорить подобных вещей! — воскликнула Ольга, невольно рассмеявшись.

— Пусть это останется между нами, — Владислав протянул руку и накрыл ее ладони сложенные, как и полагалось благовоспитанной барышне, на коленях. — Вы же не выдадите меня княжне?

— Боюсь, это будет очень, очень нехорошо с моей стороны, — проговорила Ольга, ощущая тепло его руки. — Все-таки мы с княжной — *meilleurs amis*.

— Если вы забудете о моем злословии, то я обещаю загладить свою вину перед вами и перед княжной и свожу вас обеих в кондитерскую Вольфа и Беранже, когда вы устроитесь в академии, — голос Владислава неожиданно изменился, Ольга вдохнула прерывисто, потому что на мгновение перед глазами предстала залитая солнцем поляна, ее поляна, на которой почему-то была и она, и Владислав.

— Ч-что... — начала было она, моргая, и цветущие ветви вишен с ее поляны вновь стали яблоневыми, раскачивающимися за окнами от ветра.

Где-то вдалеке раздалось низкое и раскатистое громовое ворчание, и Ольга вздрогнув, отняла руки из-под теплой ладони Владислава, прижимая к груди.

— Гроза приближается, — ответил он, внимательно ее разглядывая.

— Нет, не это, — проговорила она острожно, прислушиваясь к ощущениям и все еще часто моргая, потому что боялась, что видение с поляной вернется. — Поляна... Понимаете, я бывает вижу поляну, мне сказали, что это связано с ментальной магией.

— Простите, — Владислав выглядел действительно смущенным. — Я не хотел. Правда. То есть я был бы очень рад, если бы вы согласились на мое предложение сходить вместе в кондитерскую, и к тому же мне было интересно посмотреть, каковы ваши способности, и я попробовал повлиять на ваше решение.

— О, — только и сказала Ольга. — И вот так ощущается ментальное вмешательство?

— Простите, еще раз, — Владислав и правда выглядел смущенным. — Просто вы тоже ментальный маг, и довольно сильный, раз почувствовали, хотя ваш дар и запечатан пока. Я не должен был.

— Ничего, все в порядке, — заверила его Ольга: хотя ее и не порадовало, что другой ментальный маг может так легко вмешаться в ее мысли. — Это так интересно!

— В академии вас научат, как защищать разум и избегать подобных вещей, — заверил ее Владислав и добавил. — Я поговорю с месье Сламбером, чтобы он обратил на вас внимание, когда будет набирать курс. У вас большой потенциал.

— Спасибо, — улыбнулась Ольга.

— Не благодарите, — покачал головой Владислав. — Мне не стоило. Хотя признаюсь ваша поляна — совершенно очаровательна. У каждого мага свое место силы, но я первый раз увидел столько солнца.

Ольга смущенно и польщенно улыбнулась:

— Вы меня вроде бы хвалите, а я пока даже не очень понимаю за что. Сейчас лето, о солнце легко думать. А зимой на этой поляне бывает и холодно, и страшно, и вовсе наступает ночь.

— Это очень интересно, — Владислав посмотрел на нее пристально, словно что-то в ее умениях было особенное, что-то, чего она пока не понимала. — Уверен, месье Сламбер будет рад с вами позаниматься. Возможно, вы окажетесь из тех магов-менталистов, которые могут насылать кошмары. Редкий и довольно опасный дар.

За окнами совсем потемнело, и гром раскатисто и низко вплелся в первые звуки мазурки.

— Но кажется я вас напугал, — извиняющимся тоном сказал Владислав поднимаясь и протягивая руку. — Пойдемте танцевать. Наша мазурка.

От слов “наша мазурка” Ольга почувствовала приятное волнение и прогнала мысли о темном даре. Потому что Владислав невольно угадал — дар ей скорее всего передан от отца, и был маленький шанс, что он окажется светлым.

Владислав был прекрасным танцором, вел ее легко, сам не перетягивая внимания на свое мастерство и словно бы говорил этим танцем всем: посмотрите, как она хороша, посмотрите, какая прекрасная у меня дама! И Ольга сияла и сама от этого танцевала лучше, чем когда либо. И все вокруг улыбались, и мазурка, сплетаясь с грохотом грома лилась в открытые окна, в которые уже начали залетать крупные капли.

В очередном стремительном повороте Ольга выхватила из прочих лиц лицо Матвея — ее друг был хмур, и смотрел на нее пристально и тяжело, и словно бы сердито.

“Что это с ним такое?” — успела подумать Ольга, когда музыка неожиданно остановилась, пары тоже стали останавливаться, налетая друг на друга, и Владислав на мгновение прижал ее к себе, чтобы локоть одного из стремительных партнеров не прилетел ей в голову.

— Что такое? — проговорила она, оглядываясь, когда Владислав немного отстранился.

Зал стремительно пересек незнакомый мужчина в военной форме. Лицо его было красно, а с волос капало, на эполетах блестела вода да и зеленый мундир был мокрым на плечах и спине. Кажется, он скакал сюда верхом и столь стремительно, что даже не высушил себя простым заклинанием:

— Витебск занят наполеоновскими войсками! Они сломали порталную защиту накануне ночью и всё прибывают. Офицеры отправляются немедленно по своим полкам. Магам, получающим образование, необходимо как можно скорее отправиться в свои учебные заведения. Всем, кто проживает в Москве и окрестностях рекомендуется переехать ближе к столице.

Ольге показалось, что выключили все звуки, хотя она видела, как двигаются губы незнакомца военного, как переговариваются гости Ширковых вокруг. Но в ушах звенела тишина, в груди сворачивалось и росло что-то темное, страшное. Перед глазами мелькнула знакомая поляна. Только ветер стал острее и злее, безмятежное небо затянули тучи, а листва с вишневых деревьев вдруг в одно мгновение осыпалась пеплом. Поблекла зелень, и все вокруг выцвело, потеряло краски. И когда черные тени потянулись к ней, раздался голос Владислава, выдергивая ее из кошмара наяву:

— Ольга! Ольга, вы не на поляне, вы в зале, — голос его звучал ровно и спокойно, и она поверила ему, черные тени дрогнули и исчезли, засохшие ветви деревьев стали яблоневыми, мокрыми от дождя, который лил за закрытыми уже окнами.

— Вот так, все хорошо. С возвращением, — проговорил Владислав, и Ольга моргнула, глядя ему в глаза — такие темные, что она не смогла определить их цвет.

— Прасковья Васильевна, вам надо как можно скорее отправить княжну в академию. В Москве скоро станет небезопасно.

— Мы отправимся завтра же, — кивнула бабушка, которая как оказалось уже сидела рядом, принимая у подошедшего Матвея стакан воды и передавая его Ольге. — Молодой князь Ширков отправится с нами в академию.

Ольга отпила воды, понимая, что ее усадили у окна, и что все вокруг находится в движении и волнении от внезапных, страшных новостей. И что Матвей стоит рядом молчаливый и хмурый, и Владислав тоже хмурится. Она сама дышала поверхностно, все еще отходя от кошмара, привидевшегося ей, и так совпавшего с тем, что теперь происходило. Надо же Наполеон ввел войска. Да еще и так вероломно – порталами!

— Ну что, голубка, пришла в себя? — ласково обратилась бабушка к Ольге, вырывая из тревожных и тягостных мыслей. — Не бойся! Как сунулся Наполеон, так и полетит обратно. Хотела я отправить тебя учиться и отдохнуть этот год, да придется повоевать.

Визуалы. Усадьба Воронцово

Пока Ольга танцует в доме Ширковых, расскажу вам про ее родную усадьбу. Очень люблю вплетать в сюжет реальные места, а с усадьбой Воронцово все сложилось само собой.

Когда я только начинала писать «Искренне Ваш», то хотела, чтобы героиня была именно из Москвы - немного наивная, воспитанная бабушкой провинциальная барышня, которая приезжает в столичную академию. А еще мне хотелось начать историю с лета, и чтобы сценка была у воды. А потому я прошерстила все усадьбы недалеко от Москвы. Сначала думала о Голицыных (усадьба в Кузьминках), но род Голицыных довольно известный в широких кругах, а мне нужна была сирота с бабушкой.

Так Ольга стала Репниной. Род Репниных по мужской линии прервался на Николае Васильевиче Репнине (фамилия перешла к его внуку Волконскому по отцу и Репнину по матери). Дочери тоже были, но имена я поменяла, конечно, как и судьбы, и все-все придумала))

Но вернемся к усадьбе. Она находится в Москве, можно погулять в парке и посмотреть на сохранившиеся постройки. Например на мемориально-триумфальную «турецкую крепость» — въездную группу в усадьбу, которую возвел князь Репнин в память о взятии города Мачина.

И здесь исторические сведения вновь вплетаются в мою историю — отец Ольги погиб в русско-турецкой войне. А почему и как — узнаете в будущих главах.

А еще усадьба упоминается в «Войне и мире». А больше ничего не скажу, потому что судьба усадьбы в 1812 году несколько спойлерит сюжет.

Спасибо, что читаете! Новая глава будет сегодня в полночь, а пока делитесь, бывали ли в Воронцово?

Визуалы. Танцы в усадьбе Ширковых. Портрет Владислава

Покрутила немного ии, чтобы вы могли увидеть, как Ольга вальсирует с Владиславом)

Ну и портрет Владислава. Как он вам? Хорош? Устояли бы?)

Глава 3. Из Москвы в Петербург

Сборы в столицу заняли больше времени, нежели планировалось изначально. Бабушка руководила ими, словно заправский военачальник. Успели и яблоки собрать, и варенья наварить, мебель частично отправить в спешно снятые в Петербурге комнаты, частично убрать под чехлы. Параллельно бабушка рассылала невообразимое количество писем и записочек; защита дома потрескивала от множества мелких порталных заклинаний. Но, несмотря на все старания, отправиться удалось только через два дня.

Впрочем, хотя императорские войска и отступали, бабушка успокоила Ольгу, что это стратегия государя и светлейшего князя Кутузова, недавно получившего должность и назначение командовать войсками.

В день отправки бабушка заранее рассчитала портал, который пропустил бы не только ее, Ольгу и Матвея с его камердинером, но и нескольких слуг из мужчин, кухарку, Авдотью и Марфу. Сундуки с платьем, утварью и книгами уже отправили отдельно.

— Ну что, княжна, готова покорять свет? — Матвей был мрачен эти дни, хоть и заглядывал в гости справиться, как идут приготовления к отправке в Петербург, но сейчас им, кажется, овладело оживление. — Раз уж не отпустили меня с гусарским полком, то столица нас ждет.

— Какой еще гусарский полк! — нахмурилась Ольга, — С ума сошел? Тебе же учиться надо. Неподготовленных магов...

— Олька-а, — простонал Матвей, картинно падая у ее ног и утыкаясь ей лбом в колени. — Пощади, несравненная, не занудствуй хотя бы сейчас. Где твой дух авантюризма?

— Дурак, ты, Мотя! — Ольга спихнула его голову с коленей и, встав, нервно прошлась по комнате. — Наполеон вторгся и движется в сторону Москвы! А ты!...

— А я еду с тобой учиться в столицу, — ответил Матвей, мгновенно становясь серьезным и поднимаясь на ноги. — Наши маги сильны, как и армия, они справятся. К тому же Прасковью Васильевну государь вызвал не просто так. Она — порталщица, а значит, вместе с менталистами быстро найдет крысу, которая позволила наполеоновским магам порталы в Витебске открыть. Так что все будет хорошо. И года не пройдет, как мы уже первый курс окончим и победу праздновать будем!

И так уверено Матвей это сказал, так горячо, что Ольга поверила и немного успокоилась. И перестали качаться на задворках сознания страшные голые ветви, отбрасывающие ломкие черные тени.

Петербург встретил их низким серым небом и мелкой изморосью, в которую, словно модница в палантин, завернулся город. Прибыли они на почтовую станцию, потому что порталами в центр было никак нельзя, даже с высочайшим разрешением. Ольгу с бабушкой уже ждал наемный экипаж, за Матвеем приехал личный слуга: в столице Ширковы имели свой выезд.

— Прасковья Васильевна, спасибо, что помогли добраться, — Матвей склонился к руке бабушки, но та вместо этого притянула его в объятия.

— Вот еще эти церемонии, — погрозила она ему пальцем, отстраняясь. — Заглядывай к нам завтра на обед, фронт столичный.

— С радостью, Прасковья Васильевна, — Матвей улыбнулся и повернулся к Ольге, — Позвольте вашу ручку, княжна.

Он демонстративно склонился к ее руке и поцеловал кисть чуть выше перчатки. Теплое дыхание, коснувшееся обнаженной кожи, заставило Ольгу смутиться.

— Озорник, — покачала головой бабушка, которая, конечно, же все заметила, и тут уж у Матвея порозовели уши. — Ольга, списывать ему не давай. Уже сейчас вижу, что будет вечно просить поделиться конспектами.

— Прасковья Васильевна! — изобразил на лице искреннее возмущение Матвей, помогая им по очереди забраться в экипаж. — Как можно! Я к вам со всей душой.

— Так и я любя, — усмехнулась Прасковья Васильевна. — Ну не забудь, завтра к обеду ждем.

Матвей коротко поклонился, и их экипаж тронулся.

— Ох, и погоняю я твоих поклонников, — довольным тоном заметила бабушка, расправляя складки дорожного платья и хитро прищуриваясь.

— Бабушка!

— Вот! У Матвея была такая же интонация, а недаром говорят “муж и жена — одна сатана”, — заявила бабушка. — Ну-ну, не дуйся. В академии тебе и не такое скажут. Раз уж мы прибыли раньше, сегодня же сходишь, подпишешь документы. Пошли записочку княжне Нинель.

— Бабушка, а ты со мной разве не поедешь? — удивилась Ольга. — Разве прилично...

— Ты теперь институтка, — сказала бабушка с весельем в глазах. — Так что привыкай справляться сама. С магов спроси другой. В свете, конечно, и на приемах правила соблюдай. Но пойти одна ты теперь вполне можешь.

— Но у меня же на лбу не написано, что я в академии учусь, — растеряно проговорила Ольга.

Правилам света она не то чтобы всегда следовала. У них в усадьбе все было по-простому: и в гости можно было одной к соседям сходить, и верхом с Матвеем скакать вдвоем. Ну так они знакомы были. А тут все-таки — столица.

Бабушка посмотрела на нее пристально:

— Вот и потренируешься ставить на место тех, кто только за внешним следит. Мне достаточно знать, что ты глупостей не натворишь. Учись, Ольга. Не только магии, но и тому, как держать себя. Я тебя дикаркой вырастила, ну да ничего. Для света это даже хорошо. Государь дал понять, что его жена желает тебя видеть фрейлиной. Так что пойдешь со мной во дворец на поклон. Хотелось бы мне отложить, да государя ждать не заставляют. А после в академию заглянешь, разузнаешь новости у Нинель.

Ольга только кивнула, испытывая волнение, думая, что до бабушкиной уверенности ей еще учиться и учиться.

Статус фрейлины был почетным, но скорее всего сойтись с одноклассницами будет сложнее. Зато она получит небольшое жалование, и к тому же в ее случае не придется жить во дворце и входить в число свитных. Только сопровождать императрицу на важных приемах и периодически появляться во дворце, если бы ее вызывали.

Порталом они переместились быстро, и если кто и устал, так это бабушка, вложившая в него немало сил. Ольга же, полная энергии, чтобы отвлечься от волнения от предстоящего представления императрице, выглянула в окно экипажа, весьма бодро следующего по улицам Петербурга.

Ольга в столице бывала, хоть и не часто. Бабушка еще не выводила ее в свет в полной мере, но на вечерах в столице и даже на балах, пусть и детских, она появлялась. Так что многое было привычным, хотя комнаты на втором этаже бабушка на этот раз сняла не на Мойке, как в прошлые приезды, а на Малой морской. Улица оказалась куда более оживленной: на соседней Гороховой бодро шла торговля, а потому их экипаж постоял на повороте, пропуская груженные товарами телеги.

Их комнаты занимали весь второй этаж красивого, недавно построенного здания, выкрашенного в бледно-желтый цвет и со сдержанной белой лепниной вокруг высоких окон. Пока бабушка отдавала распоряжения относительно обеда, Ольга отправила с мальчиком записку Нинель и вместе с Марфой разбирала свои платья, выбирая, в котором выйдет сегодня.

Погода портилась, но было еще достаточно тепло, так что Ольга надела простое платье из серого муслина поверх плотной сорочки, чтобы ветром с Невы ее не продуло, короткий жакет-спенсер из серого бархата с пуговицами и шнуром на манер гусарских и шляпку из серой материи. Наряд получится сдержанным и простым, но со вкусом.

— Захвати шаль, — посоветовала бабушка, выглянув из кабинета, чтобы оценить ее вид, когда Ольга натягивала перчатки в коридоре. — За модницу сойдешь.

Ольга очень в этом сомневалась, насмотрелась уже из окна кареты на прогуливающихся по невавскому столичных красавиц, но шаль — тонкую и теплую, голубовато-серого оттенка, в тон всему ее образу, захватила. Бабушка тоже была готова — высокая, худощавая и статная, в темно-синем платье, она была воплощением элегантности.

— Не робей, не молчи, если есть, что сказать, и не бойся сделать что-то неловкое, — напутствовала бабушка, пока извозчик вез их к Зимнему дворцу. — Нам повезло, что двор еще не весь вернулся из Царского Села, так что обойдемся без лишних расшаркиваний.

Но Ольга все равно робела и боялась сделать что-то не то. Государя она видела только раз, мельком, на гуляниях по случаю солнцестояния прошлым летом, как раз в Царском селе, куда они приезжали по бабушкиным делам. Ее тогда не представляли, и Ольга, которая прожила всю жизнь в провинциальной Москве — в бабушкиной усадьбе да пансионе, очень хорошо понимала, что подобная милость сейчас неспроста.

Ослепительная, изящная громада дворца уже приблизилась, частые переплеты окон в обрамлении лепнины ловили тусклый свет скрытого за низкими облаками солнца. Ольга думала, что они въедут через ворота на площади — кованое кружево вздымалось высоко, двуглавые орлы сияли золотом, как и пуговицы на форме солдат караула. Один из них, как показалось Ольге, даже приосанился, когда они поравнялись с ним, но извозчик проехал мимо, обогнув сквер, свернул на набережную. И высадил их не у парадного входа, смотрящего на Неву, а подальше, на углу.

Ольга, переполненная любопытством, выпрыгнула первой и помогла выйти бабушке, которая огляделась по сторонам и махнула извозчику, отпуская. Только после того, как тот отъехал, бабушка подхватила Ольгу под руку и неторопливо двинулась к узким двустворчатым дверям под низким козырьком.

— Мне кажется, или ты выглядишь разочарованной? — усмехнулась бабушка, сама открывая дверь, Ольга успела заметить, как вспыхнули и опали искры защитного заклинания, когда она прикоснулась к простой латунной ручке. — Не на бал приехала, чтобы через парадную заходить.

Они вошли в какой-то темный коридор, где пахло сеном и свечным воском, и бабушка, едва слышно щелкнув пальцами, зажгла маленький голубоватый огонек.

— Просто удивилась, — отозвалась Ольга вполголоса, снедаемая любопытством, подбирая юбки, чтобы не запутаться и не упасть в полумраке. — Я даже не думала про другие входы во дворец.

— Бестолковая, — беззлобно сказала бабушка, шевельнув пальцами: огонек поплыл перед ними, освещая узкий коридор, — Государь знает, что не люблю я этих расшаркиваний, отшаркала свое, но умения мои ему нужны. Бонапарт не просто так смог сразу в Витебск порталы построить. Дело это не простое, защиты везде стоят.

— Это я знаю, — поспешно кивнула Ольга, следуя за бабушкой по длинному коридору, тепяющемуся во мраке, — но я не знала, что ты на таком счету у нашего государя, чтобы тайно во дворец приезжать.

— А тебе и не надо было знать, — заметила бабушка. — Меньше знаешь, сон крепче и цвет лица лучше. А потому мои дела в голову не бери, на тебя у государя свои планы. Дар твой непростой, так что быть тебе под неусыпным надзором.

Последнее прозвучало зловеще, но бабушка ободряюще похлопала Ольгу по руке и посоветовала едва слышно:

— Обещаний лишних не давай и соглашаться со всем не спеши. Я вот поспешила и не могу теперь всего тебе сама рассказать, клятву дала, — сказала она словно бы с досадой, — ну да сегодня все узнаешь. Ну, выше голову и помни, чему тебя и я, и наставницы в пансионе учили.

Ольга сглотнула внезапный вязкий комок в горле, почудилось ей, что по полу потянуло сквозняком, и что тени, которые рождались от света магического огонька, удлинятся, ломаются и тянутся к ней словно голые ветви. Но не успела она испугаться, как бабушка толкнула неприметную дверь, и они оказались на неожиданно светлой лестнице. В светильниках горели магические огни, и свой бабушка потушила. К ним уже торопился мужчина в неприметном сюртуке, но явно не из простых лакеев, уж больно цепким был его взгляд, которым он окинул и Ольгу и ее бабушку прежде чем кивнуть и изобразить приветливую улыбку:

— Государь ожидает вас, прошу, — и он поманил их за собой по лестнице на второй этаж.

Ольга была слишком взволнована, чтобы смотреть по сторонам, а потому сосредоточилась на том, чтобы не запнуться о подол своего платья.

Они стремительно прошли через позолоченную анфиладу комнат, убранство впечатляло, но ни тяжелые парчовые занавески, ни блеск зеркал и хрусталя, ловящие робкие лучи солнца, заглядывающие в залы через большие окна, тревогу Ольги ничуть не рассеяли.

Она порадовалась, что вспотевшие от волнения руки надежно спрятаны под перчатками, и подумала, что стоит пудриться, чтобы румянец не полыхал так явно на ее щеках. Бабушка взглянула на нее, явно почувствовав волнение, и слегка сжала пальцы на ее руке, на которую опиралась. Это ободрило Ольгу, и когда лакей открыл перед ними дверь с почтительным поклоном, пропуская внутрь просторного кабинета, она уже способна была и смотреть по сторонам, и держать лицо.

— Ваше императорское величество, княгиня Репнина и княжна Репнина, — представил их мужчина и моментально ретировался, плотно притворив за собою дверь.

Ольга не успела даже оглядеться и осознать, когда из-за стола стремительно встал мужчина и подошел к ним. Ольга моргнула, с трудом осознавая, что перед ней государь, и стараясь не разглядывать его слишком уж явно, что получалось с трудом — одет император был в одну рубашку и брюки, заправленные в высокие сапоги.

— А, Прасковья Васильевна, рад нашей встрече, — он улыбнулся приветливо, и склоняясь следом за бабушкой в поклоне, Ольга поняла, почему все барышни в пансионе, кто имел счастье его видеть достаточно близко, так восторженно о нем отзывались.

— Ваше императорское величество, — бабушка даже с государем говорила ровно и словно бы вовсе без волнения, — рада видеть вас, Александр Павлович.

— А вы, стало быть, молодая княжна Репнина, — руку Ольги подхватила уверенная теплая рука императора и легко потянула вверх, призывая подняться из глубокого реверанса. — Дайте-ка я посмотрю на вас.

Она вздохнула от смущения, от обращения, а еще от осознания, что государь император оказывается так молод. Издалека на праздновании в парадном военном мундире он казался таким величественным, взрослым, далеким. Теперь же перед ней был просто мужчина да еще и весьма небрежно одетый – высокий, даже изящный, с растрепавшимися надо лбом волосами, словно он запускал в них в задумчивости пальцы, пока был занят работой с бумагами.

— Ваше императорское величество, — Ольга заставила себя все-таки посмотреть ему в глаза и пропала.

Ей показалось, что она вновь в родном имении, лежит, покачиваясь на волнах прохладной реки и смотрит в прозрачно-голубое небо. Качнулись ветви цветущих вишен, солнце про-

никало сквозь тонкие лепестки, повеяло прохладой и свежестью. Но Ольга не успела даже подумать, что, вероятно, будет гроза, когда раздался задумчивый голос:

— Любопытно, — проговорил император, Ольга моргнула и осознала, что по-прежнему во дворце, в государевом кабинете, а он пристально и испытующе смотрит на нее, немного склонив голову набок, — что ж, я бы сказал, что дар светлый, но не возьмусь утверждать, пока печати не сняты. Возможно, небольшой инцидент был всего лишь совпадением? Как думаете, Прасковья Васильевна?

— Думаю, что так и есть, — с достоинством проговорила бабушка, — разрешите теперь рассказать?

— Да я сам и расскажу, присаживайтесь, княгиня, княжна, — государь указал на два кресла, простых и жестких на вид у большого рабочего стола, впрочем, его собственное кресло было ровно таким же.

Прежде, чем начать разговор, он сдвинул в сторону бумаги, щелкнул пальцами, и в следующее мгновение дверь приотворилась, и заглянул уже знакомый лакей:

— Сообщите Елизавете Алексеевне, что я желаю ее немедленно видеть, — тут государь вновь обратился к Ольге, которая села, как могла изящно и чинно сложила руки на коленях. — Видите ли, княжна, дар у вас необычайно редкий, от батюшки унаследованный. Увы, дар покойного князя был темный. И стал вырываться из-под контроля незадолго до его гибели. Не любой темный дар опасен. Но ментальный маг со способностью насыщать кошмары, теряющий контроль... Это не просто магия сноходцев, это кошмары наяву. Видения, страхи, которые становятся реальностью. Ваш отец одним лишь небольшим усилием мысли, благодаря своему дару, мог заставить бежать армию, или свести с ума человека.

Ольга слушала внимательно, не решаясь пока задавать вопросы, лишь раз бросила взгляд на бабушку, потому что не знала, что дар отца, оказывается, был нестабилен. Бабушка все разговоры об отце сводила к тому, что Ольге надо усердно учиться, чтобы быть достойной своей фамилии.

— Князь Репнин был героем, — после небольшой паузы продолжил государь, словно бы давал осознать Ольге сказанное. — Он понял, что дар становится неуправляем и отправился на войну, откуда, увы, не вернулся. Зато турков положил немеряно.

Государь помолчал мгновение, внимательно глядя в лицо Ольги, и она вновь подумала, какие у него пронзительные глаза, словно проникающие в самую душу, словно он мысли читает. Впрочем, все знали, что государь сильный менталист, может, и мог читать, такие подробности дара знал только самый близкий круг в любой семье, а уж в царской подобное особенно хранилось в секрете.

— Буду говорить прямо, раз уж мы сегодня *sans équivoques* (Фр. — без экивоков, т.е. говорить прямо), — проговорил Александр, и Ольга подумала, что она-то как раз не ожидала, что будет именно так, и что подобная милость скорее вызывает вопросы и даже немного пугает. — Есть вероятность, что ваш дар, княжна, ровно такой же, как у вашего отца. Дар редкий, ценный, а с учетом вторжения Бонапарта, еще и стратегически важный для короны. Я лично буду следить за вашими успехами.

— Благодарю за честь, — не дрогнувшим голосом ответила Ольга, хотя руки похолодели, в сердце колотилось так сильно, что, казалось, можно услышать его стук, — надеюсь быть полезна вам и Отечеству.

— Главное, не навредите, — хмыкнул государь и посмотрел на нее как-то иначе, словно бы оценивающе. — Помимо того, что мы должны быть уверены, что ваш дар безопасен и стабилен, я лично попрошу вас о небольшой просьбе.

Ольга едва не ответила “все, что угодно”, но сдержалась: не стоило давать подобных обещаний. Магия своевольна, может внезапно оказаться, что подобное случайное обещание

— клятва сильнее кровной. Поэтому она только едва склонила голову, выражая готовность помочь.

— В такое время подозреваешь всех и вся, но я головы рубить не люблю, — проговорил Александр. — Нам надо быть твердо уверенными, кто виноват, а значит, располагать информацией. Вы лицо в академии новое, но при этом студентка, никто вас не заподозрит в том, что вы выполняете мой приказ. Как вы знаете, Наполеон смог построить порталы аж в Витебск, выходит, что среди обладающих определенной властью, причем властью и милостями мной лично дарованными, есть крысы, — он осекся, то ли в гневе, что подобное могло случиться, то ли потому что заговорил горячо и даже гневно, и поправился. — То есть *des traîtres* (фр. - предатели). Во дворце и среди моих приближенных с этим поможет Прасковья Васильевна, уж простите, княгиня, что пришлось нарушить ваше уединение.

Ольга покосилась на бабушку, та с достоинством кивнула:

— Раз уж времена такие, — вернула она ему его же слова. — Посмотрим, смогу ли я действительно помочь. Портальщиков не так уж и много, но может неучтенный кто-то. В Витебск бы попасть, остаточные следы...

— Исключено, — оборвал ее император, и Прасковья Васильевна недовольно поджала губы. — Там опасно. Наша армия отступает. Князь Багратион правда этим весьма недоволен, но зато Кутузов поддержал, и разрабатывает стратегию. Впрочем это после.

Бабушка выглядела непокорно, уж Ольга знала этот взгляд и готова была поставить любимый веер, что если та захочет изучить остаточные следы портальной магии в Витебске, то и государя уговорит.

— Вам же княжна надлежит смотреть по сторонам, я хочу знать настроения среди студентов. Кто готов присоединиться к войскам, кто сочувствует французам, коли такие есть. Ничего сложного. За преподавателями тоже последите. У меня есть, разумеется, доверенные лица, но свежий взгляд не помешает.

— Конечно, ваше императорское величество, — Ольга подумала, что вроде бы ничего сложного, на первый взгляд, просто быть внимательной.

Мелькнула неприятная мысль, что это стукачество, но ведь она будет стараться на благо Отечества. Не может быть безнаказан тот, кто допустил открытие порталов на территорию Российской Империи.

Дверь неожиданно без стука распахнулась, прерывая ее размышления, и в кабинет вошла молодая белокурая женщина. Изящная, в простом платье из нежного голубоватого шелка, очень ей шедшего и подчеркивающего безупречную белизну кожи и легкий румянец на щеках, она казалась прекрасным видением, и Ольга подумала, что ей бы хотелось бы уметь держаться так просто и вместе с тем с достоинством. Следом за бабушкой она поспешно поднялась и поклонилась.

Императрица, а это могла быть только она, скользнула взглядом по Ольге и Прасковье Васильевне, кивнула с достоинством, но радушно и обратилась к императору:

— *Alexander, Nicola a dit que vous voulez me voir.* (Фр. Александр, Никола сказал, что вы хотели меня видеть.)

— Да, душа моя, — сказал Александр, — Познакомься, это княгиня Прасковья Васильевна Репнина и ее внучка — княжна Ольга Репнина, дочь того самого Репнина, что так отличился в войне с турками.

— Очень рада, — улыбнулась императрица и вновь посмотрела на императора вопросительно.

— Княжна будет отчитываться мне о происходящем в академии, сама понимаешь, что сейчас необходимо знать о настроениях. Поэтому я решил, что она войдет в число твоих фрейлин. Это позволит княжне бывать во дворце, не вызывая вопросов и ненужных нам пересудов.

К тому же вы, душа моя, все равно покровительствуете академии. Не будет ничего удивительного в том, что вы взяли протекже сопровождать вас на балах.

Елизавета Алексеевна кивнула и посмотрела на Ольгу пристально, почудилась ей даже некая неприязнь, но в следующее мгновение императрица уже улыбнулась:

— Раз вам это так необходимо, молодая княжна Репнина будет пожалована шифром. Я прикажу подготовить.

— Вот и прекрасно. Благодарю вас, душа моя.

Император больше ничего не добавил, императрица радушно улыбнулась и вышла, дверь перед ней распахнулась сама собой. Ольга даже поклониться не успела.

— Прасковья Васильевна, думаю, остальное мы с вами обсудим наедине, — император невозмутимо продолжил разговор. — Княжна, вы не будете возражать?

Как будто она могла возразить императору!

— Я планировала заглянуть в Академию, — ответила Ольга, радуясь, что у нее были планы, и бабушка одобрительно кивнула.

— Вот и сходи, — сказала она и добавила, бросив хитрый взгляд Александру. — Ты пока разберешься с документами, и тебе не придется скучать, пока мы будем обсуждать вопросы государственной важности.

Александр не сдержал смеха:

— Истинно так. Был весьма рад нашему знакомству, княжна. Ожидаю ваших выдающихся успехов в учении. Надеюсь, что ваш дар раскроется во всей красе.

— Что если я не справлюсь? — спросила Ольга прежде, чем успела прикусить язык: она была слишком взволнована тем, что узнала и про свой дар, и про отца, и про неожиданный статус фрейлины, хотя о последнем бабушка ее хотя бы предупредила. — Дар опять запечатают?

Император посмотрел на нее снисходительно и словно бы печально и ответил с легкой небрежностью:

— Простите, княжна, за прямоту, но в таком случае вас просто устранят.

Фрейлинский шифр, *фрейлинский вензель*, *фрейлинский знак*, *шифр с вензелем* — при российском императорском дворе золотой, усыпанный бриллиантами знак отличия, который носили придворные дамы в должности фрейлин. «Быть пожалованной шифром» — означало получить придворное назначение на должность фрейлины.

Хочу познакомить вас с еще одной книгой из нашего литмоба:
 <https://litnet.com/shrt/60h5>

Глава 4. Флирт и загадки

 Ниночка, друг мой,

Спасибо, что пишете мне, вы мои глаза и уши, в ваших нежных руках вся академия. Жаль, что брошь девицы Л. не нашлась, теперь ожидать нам scandale. Не удивлюсь, коли по ветрености своей она сама ей кого-то одарила и забыла. Ну да не будем волноваться прежде дела.

Не в службу, а в дружбу, Ниночка, подготовьте, пожалуйста, личные дела всех менталистов, обучающихся в академии сей год. Программу надобно усложнить, приказ государя, а потому срочно и первостепенно. Добавьте им практических занятий с новым ассистентом, коли месье Сламбер его одобрит. Не сердчайте, что возлагаю это на вас: из-за проклятого Vonnaparte перемещение порталами ограничено, вынужден задерживаться.

*Буду вечно вам благодарен,
Всегда Ваши,
Иоганн*

Бабушка осталась с императором обсуждать вопросы особой государственной важности и тайны, а Ольга, оглушенная последними словами императора, в сопровождении лакея вышла из дворца через ту же неприметную дверь. Тот молчаливо кивнул, она ответила тем же и, наконец, осталась наедине со своими мыслями.

Ольга неторопливо прошла до Невы и остановилась у гранитного парапета, подставляя лицо прохладному ветру.

“Вас просто устранят”.

Кунсткамера на другой стороне отбрасывала голубые блики на спокойную воду. И немного левее красный кирпич стен университета казался особенно ярким на фоне приглушенных оттенков других зданий на набережной.

Нева текла лениво, отражая низкое хмурое небо, словно вторя ее тяжелым мыслям. Слова императора пугали, и если до этого разговора Ольга думала об обучении с нетерпением и любопытством, то теперь к ним примешивался, отравляя предвкушение, страх.

“Вас просто устранят”.

Ольга и не думала раньше, что может не совладать со своим даром. Она всегда надеялась, что происшествие в пансионе оказалось случайным стечением обстоятельств. После слов императора выходило, что так мог проявляться ее дар. И если он вырывался из-под печатей, то не станет ли она опасна для окружающих сразу, как только их снимут? Ведь для обучения нужно время, и надо не натворить дел до того, как она освоит хотя бы азы родовой магии. Это пугало.

Ольга подумала, что стоит осторожно обсудить свой дар с княжной Нинель. Та заведовала всеми бумагами, касающимися студентов, так что могла сказать, есть ли другие ученики с темным даром. Если, конечно, ее дар окажется темным.

В иное время Ольга бы наняла извозчика, но мысли следовало успокоить, к тому же ей хотелось привыкнуть к городу и почувствовать его. А что может быть лучше пешей прогулки?

Сначала она опасалась, что будет привлекать внимание — все-таки хорошо одетая барышня, разгуливающая одна. Но оказалось, что подобное в столице не редкость и просто раньше она не обращала на других, прогуливающих в одиночестве девиц, внимания.

Ольга прошла легким и быстрым шагом вдоль набережной в сторону плашкоутного моста через Неву. Миновала недавно разбитый сквер у Зимнего дворца. Когда она приезжала на

вступительные испытания, липы еще были совсем робкие, а теперь, похоже, усиленные магией садовников, качали подстриженными кронами на ветру.

Она порадовалась, что взяла шаль, потому что ветер крепчал, и у воды дул довольно сильно и пробирал до костей, несмотря на по-августовски теплую еще погоду. Золотой шпиль Адмиралтейства приветственно блеснул в свете выглянувшего на несколько мгновений солнца. Ольга зажмурилась и вдохнула полной грудью. Пахло водой и солью, тонко — дымком и конским навозом.

“Вас просто устранят”.

Значит, она сделает все, чтобы этого не произошло. Будет учиться и освоит дар. И император больше не будет смотреть на нее с подозрительным снисхождением. Как именно он будет смотреть, Ольга не определилась, но подумала, что восхищения и интереса в его пронзительном взгляде она испугалась бы еще больше.

— Княжна! *Quelle bonne surprise!* — неожиданно окликнул ее знакомый голос, и, обернувшись, она увидела Владислава, — Простите, если напугал вас, вы так стремительно шли, что я боялся упустить вас из виду.

— Владислав Константинович, — Ольга улыбнулась, действительно обрадованная встрече. — Рада вас видеть.

Владислав выглядел настоящим денди в своем темно-синем фраке и цилиндре, белоснежный шейный платок, казалось был небрежно завязан, но Ольга подумала, что узел потребовал времени и ловкости личного камердинера.

— Взаимно, княжна. Вы по делам, или прогуливаетесь? Позвольте проводить вас, куда бы вы ни следовали.

— Благодарю, Владислав Константинович, — Ольга решила, что в компании на покачивающемся плашкоутном мосту ей будет комфортнее, и с благодарностью взяла его под руку. — Я направляюсь в академию, у меня там назначена встреча с княжной Нинель Эристави.

— О, так у меня есть шанс сразу разделаться с долгом. Буду рад сопровождать вас, — Владислав увлек ее за собой, лавируя среди оживленного движения людей на мосту, — а после мы можем вместе с княжной отобедать у Вольфа и Беранже.

— Будет ли это удобно? — спросила Ольга, с одной стороны радуясь, что непринужденная беседа с Владиславом отвлекает ее от мрачных мыслей о собственной магии, с другой, дасадую, что в его присутствии не удастся посекретничать с Нинель. — Мне не хотелось бы, чтобы из-за меня вы изменяли свои планы.

— До вечера я располагаю временем, не беспокойтесь, — уверенно ответил Владислав, — к тому же мне надо будет заглянуть к месье Сламберу, узнать, какие у него на меня планы в этом году. Может, так сложится, что я буду вашим преподавателем.

Вроде бы невинная фраза вкупе с усмешкой прозвучала на удивление двусмысленно и показалась Ольге почему-то совершенно неприличной. Она сразу подумала, что и идет с ним так, словно бы он ее жених, под руку. С другой стороны, они на виду и просто ведут светскую беседу. К тому же ей стоило воспользоваться моментом и узнать чуть больше про свою магию и про то, как в принципе проходит распределение по факультетам и организована учеба. Проживая в Москве, она знала непозволительно мало о столичной академии. Да что уж, она и про жизнь в столице не знала совершенно ничего.

— Вы, наверное, были отличным учеником, не так ли? — спросила Ольга, направляя разговор в безопасное русло и надеясь таким образом узнать что-то полезное для себя. — Бабушка говорила, что сам государь отмечал ваши успехи.

Владислав едва заметно пожал плечами, словно желая подчеркнуть смущение похвалой:

— Я — сирота из обнищавшего рода, так что приходилось в буквальном смысле выгрызать себе место под солнцем, — сказал он ровно. — К тому же дар у меня сложный.

— Вы — менталист, — кивнула Ольга, не решившись выразить сочувствие и мысленно делая пометку разузнать о роде Владислава, а еще лучше посплетничать с Нинель, они же начинали учиться вместе, а значит, подруга могла что-то знать. — Простите мое любопытство, но так как у меня тоже ментальный дар, мне интересно, как происходит обучение.

— Я бы рад вам помочь, но все очень индивидуально, как индивидуален дар и его особенности, — проговорил Владислав, взглянув на нее пристально. — Будет лучше, если азы вам объяснят профессионалы.

— Но вы же будете помогать месье Сламберу на кафедре, — заметила Ольга, опираясь на его руку, чтобы сойти с понтонного моста на твердую землю.

— Когда освоите азы, буду рад преподать вам несколько индивидуальных уроков, — проговорил Владислав, возвращая ее руку на свою и накрывая ее ладонь своею.

Ольга сбилась с шага и нахмурилась. Сделала маленький шаг в сторону и руку осторожно отняла, боясь, что Владислав ее удержит, но он позволил ее пальцам в тонкой перчатке соскользнуть с темного сукна его рукава.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.